

Седрак Симонян

Созвездие венца

Седрак Симонян

Созвездие венца

<https://litres.ru/74088329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детство, Чувства. Любовь к ближнему. Душе девочки хотелось большего: несказанного волшебного замка, покрытого вуалью цветов радуги и похожего на переливы мелодий, доносящихся из сельского клуба, — чарующего танца хотелось ей. А она после школы, одна, пасла корову на опушке кукурузного поля.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Седрак Симонян

Созвездие венца

Глава

Созвездие венца

Душе девочки хотелось большего: несказанного волшебного замка, покрытого вуалью цветов радуги и похожего на переливы мелодий, доносящихся из сельского клуба, — чарующего танца хотелось ей. А она после школы, одна, пасла корову на опушке кукурузного поля.

Сидя среди колышущихся полевых цветов и улыбаясь им, она внимала скрипу скачущих по стеблям кузнечиков, потом, положив руки под голову, ложилась среди цветов, взирая на плывущие по небосклону караваны облаков, создающих как на полотне чудные образы. И хотелось ей оказаться в сказке, рассказанной бабушкой, в сказке о волшебной стране, где она была бы взрослой и наверняка, принцессой.

В сказке была и её почти трёхлетняя сестрёнка, чей день рождения вскоре должны отметить. И был в сказке папа. А бабушка и мама в тот день наказали её, и она, считая это несправедливым, не допустила их в мир своих грёз. Но долго в том мире блуждать в образе принцессы становилось скучным, и она вернулась к щебетанию птиц, жужжанию пчёл,

лягушачьему кваканью. А корова, уже сытая, наострила уши, и среди принесенных ветром звуков, чуя, наверное, далёкое мычание своего телёнка, сама оглушительно замычала и пошла к ограде. Девочка нехотя встала и вывела корову за ограду, хотя ей не по сердцу было возвращаться так рано и попасться на глаза бабушки или матери. Ближе к дому она заметила идущего навстречу ей отца и кинулась в его объятия.

— Настя, доченька, значит, ты была наказана?

— Наказали... Наверно я несчастливая, да, папа?

— Ну, это слишком, доченька. Бабушка твоя сказала, ничего такого особенного. Может, расскажешь?

— А бабушка больше не сердится на меня?

— Нет, конечно. Она и просила сходить за тобой. С мамой они готовят что-то вкусное. Соседку тётю Нору пригласили в гости.

Настя облегчённо вздохнула и решилась всё рассказать папе.

— Знаешь, па, ночью мама и бабушка говорили о нашей учительнице. Бабушка сказала, что и учительница и она были влюблены в одного человека. Когда тот человек погиб на войне, бабушка вышла замуж за деда, а учительница так и не вышла замуж. Сегодня она была очень грустная. Когда прозвенел звонок, я осталась и сказала, что она, верно, грустит по тому человеку, и бабушка тоже вспоминает его.

— А что учительница?

— Она погладила мою голову и сказала, что не надо подслушивать разговоры старших, потом просмотрела мою тетрадь и сказала, что я хорошо учусь, а потом пошла домой.

— Ну и дальше?

— Дома я рассказала о разговоре бабушке. Она возмутилась, позвала маму, и, вот, меня отправили пасти корову. Даже не разрешили поцеловать сестрёнку. Бабушка сказала, что я похожа на тебя.

— Конечно, мы похожи, Настенька. Ты не обижайся на взрослых. Они с трудом понимают маленьких. Сейчас пойдём домой, выучим уроки, потом очистим сад от сорняков, а после заберём Марию, и к морю.

— К нашему тайному домику тоже пойдём?

— Поздновато будет. Лучше я научу тебя грести как следует.

— Но я же умею грести, папа.

— Значит, научишься нырять, плавать.

— Когда ныряю, задыхаюсь. У меня слабые лёгкие. И вода пока прохладная. Пожалуйста, папа, лучше пойдём к нашему домику у камышей или к брошенной мельнице.

— Хорошо, уговорила. Говоришь, лёгкие слабые. Как вернусь из командировки, с мамой поедете в лучший санаторий.

— Правда, уезжаешь, папа?

— Правда, в ближайшие дни.

— Но я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Нельзя не ехать, доченька, я служу. Времена становят-

ся беспокойными. Скоро и бабушка твоя уедет. Там, в Сибири, дед захворал.

— Пускай дедушка приезжает к нам.

— Не получится. Он же вольный казак. Без тайги, без странства не может.

— О чём беседуете? — открывая калитку, вмешалась в разговор Анна, Настина мама.

— Анна, дочь наша умница. Учительница сегодня её похвалила.

— Учительница, говоришь? Балуеть ты её, Саша.

— Вовсе не балую. Ну, дочь, иди, умойся, поешь. Сделаем уроки потом, как договорились.

Настя вошла в дом, а отец с мамой отвели корову в хлев, накормили телёнка, Анна подоила корову.

Бабушка Насти, Ирина Сергеевна, была занята на кухне. Когда Настя, переодевшись, поцеловала ручку спящей сестры и зашла в кухню, увидела слёзы в глазах бабушки.

— Бабушка, прости меня, я больше ни о чём не спрошу учительницу.

— Не то, внучка, не то... Я о другом горюю.

— О чем ты плачешь, бабушка?

— Отец твой уезжает.

— Папа и раньше уезжал. Он же вернется, бабушка.

— Раньше было спокойно, Настенька. Сейчас всё смешалось. Везде демонстрации, все хотят независимости.

— А это плохо, да, бабушка?

— Не знаю, внучка, не знаю. Но точно власть слаба, и тёмные люди мутят народ с призывами.

— А народу что от этого?

— Как всегда, лишь обещания.

— Глупый народ, да?

— Внучка, он — как океан. Бушует от этих ветреных обещаний, но волной снесёт и всех болтунов. Ладно, садись, поешь.

Настя поела, поблагодарила бабушку, помыла посуду, и более часа занималась с папой уроками. Затек они взяли тяпку, пошли в огород. Было облачно, с моря дул свежий ветерок, и легко было полоть ряды баклажанов, помидоров, грядки огурцов. Потом отец раскатал шланг, полил огород.

За домом Алексея жил Месроп с женой. Пожилая пара, чьи дети разъехались по всему бывшему Союзу и навещали их лишь в летние каникулы. А за домом Месропа, у самой речки жила тётя Нора, тоже одна. Её когда-то большая семья, забывшая цыганскую кочевую жизнь, так же растворилась по городам и весям, и только летом навевывалась к ней.

Ирина Сергеевна давно была знакома с Норой. Перед замужеством Нора нагадала ей кочевую жизнь хуже цыганской. Так и вышло. Муж Ирины Сергеевны, Иван Петрович, кадровый военный, теперь отставной генерал, а тогда ещё молодой лейтенант, отслужил почти во всех военных округах, и в конце службы, обосновавшись у старшего сына в Сибири, редко, в отличие от жены, приезжал на юг погостить у

младшего сына, Алексея, который шёл по отцовским стопам и служил офицером в спецвойсках.

Больше двух месяцев Ирина Сергеевна прожила у Алексея, и вот, пришла телеграмма от старшего сына, что отец захворал. Правда, ничего серьёзного, но он требует, чтобы супруга приехала, и с собой привезла старшую внучку, Анастасию, так как помнил её лишь в младенчестве. Уж много лет прошло с того времени, когда Настя, ручонками закрывая уши, бегала по комнате, а дед за ней, на четвереньках, притворяясь волком, угрожал... отгрызть её уши.

Ирине Сергеевне ничего не оставалось, как собираться в путь. И по поводу отъезда своего в Сибирь она пригласила Нору поговорить, погадать на кофейной гуще. Хотя до отъезда её в Сибирь, а Алексея на службу, ещё должны были отметить день рождения Марии. Крёстный дочерей Алексея, его сослуживец Шалва, собирался приехать из столицы Грузии. Но тогда обстановка будет праздничной, суетной. Лучше было бы заранее поговорить подругам по душам.

Заканчивая поливку в огороде, Алексей укладывал шланг, когда из-за ограды появился сосед Месроп, поздоровался.

— Здравствуй, дядя Месроп, как поживаешь? — поздоровался Алексей.

— С Божьей помощью, доживаем свой век, Алексей. Дело есть к тебе. Мой напарник заболел. Если сможешь, подежурим сегодня вместе, сэкономим кукурузные поля от появив-

шегоя медведя. Прямо-таки беда, безжалостно истребляет незрелую кукурузу.

— А что приду, обязательно приду, — заверил Алексей, — карабин с собой прихватить?

— Нет не нужно. У меня двустволка и патроны, что надо. Вообще, не стоит валить зверя. Может оказаться кормящей медведицей.

— Дедушка Месроп, а мне можно с вами? — вмешалась в разговор Настя.

— С нами? Доченька, там лишь костёр, звёзды, гул ущелий, уханье совы, вой шакалов, может быть, и рёв медведя, но больше ничего интересного.

— И ночью в ущельях прохладно, и мама не согласится, — отговаривал отец.

— Папа, пожалуйста, ты же обещал показать Млечный путь, Большую Медведицу. Завтра суббота, нет уроков.

— Ладно, если уговорим твою маму и бабушку, — сказал Алексей, и обратился к Месропу: — Я всё-таки прихвачу карабин. Ты с Настей будешь у костра, и проследишь ближайший овраг, где проходит ограда, а далее я пройду. К полуночи приду к костру. И, дядя Месроп, расскажешь Насте истории, как мне в детстве.

— Какие истории, сынок? Думаешь, я помню?

— Настя тебя замучит вопросами, так что найдёшь, что рассказать. О созвездиях, например.

— Честное слово, дедушка Месроп, я много вопросов не

задам, — обещала Настя, и они расстались до вечера. А дома Ирина Сергеевна и Анна на кухне за накрытым столом беседовали с Норой.

Ужасающий крик, разрывая пелену ночного тумана, упавшего на ущелья, разносился в дальней темени и, ударяясь о расщелины впавших в дрему скал, отзывался эхом:

— У-у-у...

Сторож полей, Месроп, сидя с Настей у костра близь проселка, отделявшего колхозные поля от гор, помешивал палкой пекущуюся в золе незрелую кукурузу и рассказывал свои истории. Настя, слушая его, вглядывалась в глухо шелестящие поля, и всё спрашивала и спрашивала о звёздах, о луне, притаившейся за дальними горами, о многом другом, не забывая грызть кукурузный початок, который из золы доставал Месроп.

Время от времени прерывая рассказ, Месроп прикладывал ладони к губам, оборачивался к полям и старческим голосом исторгал клич:

— У-у-у...

После, чтобы унять сухой кашель, пил воду, которую Настя принесла из родника.

— Под новолуние, — говорил Месроп, — собаки всю ночь завывают. И сумасшедшие выкидывают всякие номера. Говорят, мертвый лунный свет возмущает кровь. Видела безумного, того, что живёт в кладбищенской будке? К этому несчастному не подступиться, он становится злобным, но

потом отходит. Подожди-ка. Ты слышишь? — прервал он себя, прислушиваясь. Со стороны ущелья доносился непонятный гул.

— Это папа, наверно, — шёпотом сказала Настя.

— Нет, это не людской шум. Алексей сейчас наверняка ограду осматривает.

Потом, негодуя на то, что свиньи уже привыкли к его диковинным крикам и, наказав Насте оставаться у костра, взял двустволку и стал спускаться в ущелье. Вскоре из темноты вновь донесся его клич:

— У-у-у...

На мгновенье с шумом встрепенулся обеспокоенный птичий мир, в ущелье заквакали лягушки. Оставшись в одиночестве, Настя почувствовала надвигающуюся из тьмы и обволакивающую всё окружающее необъяснимую, неведомую опасность и теснее продвинулась к костру. Долго-долго глядела в темноту, пока не вернулся Месроп.

— Дьявольский ветер, наверное, бродит по этим местам, — присев, сказал Месроп, поправляя подложенные Настей в костер поленья, и вновь принялся печь кукурузу.

Дедушка Месроп, а почему тот дядя сошёл с ума? — прижавшись к Месропу и, подперев кулачками щёки, спросила Настя.

— А — а, тот о ком рассказывал... Во время войны, когда он был чуть моложе тебя, на ослике вёз муку с мельницы. Испугавшись немецких самолётов, бомбящих мост, по кото-

рому наши войска шли в горы, бежал по ущелью и заблудился. Старики нашего села нашли его. Видела, наверно, как он, повесив красный перец на шею, носится по селу. Ну, а как сошлись наши пути? Много лет назад в этих местах сторожил я без ружья, и на мой клич ответил рычанием какой-то зверь. Я, конечно, удирал до самого села.

— Страшновато было, да? — скрывая смех, спросила Настя.

— Не то слово.

— А что это было?

— Охотники сказали, медвежонок. Мать медведицу убили, и тоска по ней, заглушив природную бдительность, гнала медвежонок на поиски. Через день после этого, с твоим отцом — он пока не был женат — ходили искать коров. Здесь чудные пастбища, как добрались, отец твой пошёл луга прочесывать, а я — по лесистым местам, по ущельям. Ну, стемнело, и я, не найдя коров, возвращался домой. Дороги знаю хорошо, уже более полувека хожу по ним. А короткий путь к селу через брошенное кладбище проходит. Не отойти, густые колючие заросли.

— Я была там с папой, видела, там девочка похоронена...

— Да-а... Старый я человек, но, как окажусь ночью на кладбище, душа обмирает. Понятное дело, мир полон тайн, и о блуждающих душах, о всякой чертовщине вдоволь слышался. Ну вот, шел я по кладбищу, остановился у одного могильного камня, чтобы зажечь потухшую папиросу.

Вдруг из-за камня голос окликнул, мол, дай закурить. Как я перепрыгнул через заросшую изгородь, как пробрался через непроходимые заросли, до сих пор не пойму. Утром в центре села тот свихнувшийся тычет в меня пальцем, — пожалел папиросу. Ночью и в голову не пришло, что это он... Доченька, ты что сжалась комочком, испугалась, что ли?

— Не очень, дедушка Месроп. Слышишь, с полей шум доносится. Может, папа возвращается?

— Нет, это колосья шуршат, или барсуки. Эти хитрые зверьки знают, когда лезть на поля. Вот-вот луна выглянет, до этого они успеют погубить всходы. Ладно, так и быть, пойду гляну, что там делается.

Тяжело вздыхая, Месроп поднялся с места, взял ружьё.

— А мне можно с тобой? — спросила Настя.

— Лучше останься у костра и принеси табак из шалаша, — сказал Месроп, и скрылся во тьме.

Несмотря на страх, Настя взяла лежащий у костра прут, прошла метров пятьдесят к шалашу, покрытому папоротником. Там обычно Месроп отдыхал в дневной зной, так как останься он дома, супруга Седа заставляла бы его загнать телят в хлев, или сложить поленницу дров, а то помочь в саду. Когда это всё надоедало, Месроп уединялся в своём шалаше.

— У-у-у...

Из ущелья донесся голос Месропа. Настя, подбадриваемая им, порывшись в узелке, освещённом светом выплывшей из-за гор луны, нашла сверток с табаком, схватила его,

и вмиг, на одном дыхании вернулась к костру.

— Молодчина моя старушка, — оказал Месроп, вернувшись из ущелья, присев, и закрутив папиросу. — Не забывает обо мне. Если б у нее, не к ночи будь помянута, язык был покороче, не найти лучше на свете.

— Кукуруза уже пожарилась, может, подобрать из огня? — спросила Настя.

Подбери и ещё пожарь пару, для папы. Он скоро появится. А ты ешь в меру, а то ночью живот заболит. Сказав это, Месроп взял жареный кукурузный початок поднес его к лицу и долго втягивал аромат. Луна поднималась всё выше и выше, освещая утопающие во тьме ущелья и отрезок моря меж ущельями серебрился кладезем.

— Облака идут к луне, — поглядывая на скользящие по небосводу обрывки облаков, и грезя о чём-то, сказала Настя.

— Да, погода ухудшается, — подтвердил Месроп.

— Почему, они же не дождевые? Мы по географии проходили.

— Умница, значит, хорошо учишься. Но давление падает, я это телом чувствую. К утру их соберется очень много, и если ветер не разгонит, наверняка пойдёт дождь.

Словно в подтверждение слов Месропа, кукурузные поля зашуршали от ветерка, дохнувшего с гор. И этот шорох заглушил стрекотание сверчков и вой шакалов, доносившийся из глубин ущелья.

Когда Месроп решил работать сторожем, домашние не со-

глашались. Но жена, понимая, что её горец непременно захнет, замучается без гор, согласилась, — устала бегать посреди ночи в сад, чтобы укрыть мужа одеялом, так как он до поздней осени часто ночевал в шалаше, поставленном в глубине саде на краю небольшого овражка, а во время листопад собирал листву, насыпал под ближайшей яблоней г захватив подушку, ложился сверху.

— Дедушка Месроп, а барсуки страшные? — утомившись от молчания, спросила Настя.

— Ну, они ведь зверьки. Когда у них появляются детёныши, они, чуя опасность, могут кидаться на человека, цепляться и, пока не прибьёшь, не отступят.

Из ущелья доносились странные звуки.

— Что это? — напряглась Настя.

— Не знаю. Но надо пройтись подальше, проверить ограду. Если хочешь, собирайся.

— Хочу. Здесь скучно одной.

— Тогда надень сапоги, там полно тварей ползучих. И возьми фонарь, чтобы не спотыкаться. А я подброшу поленьев в костёр, чтобы не погас.

— Луна светит, всё видно. Может, не брать фонарь?

— Возьми, в ущелье свет блёкнет, там игра теней.

Настя переобулась в сапоги, взяла фонарь и пошла за Месропом вдоль ограды. Она не отставала от Месропа, освещала фонарём путь, иногда направляла луч в ту сторону, откуда возникали шум и шорох, непонятные звуки, крик совы.

Когда становилось страшновато, бралась за руку Месропа, и он успокаивал её, указывая на источник шума. Потом, в час беды, она вспомнит слова Месропа, а сейчас ей было всё равно страшно.

— Всё в порядке, ограда цела. Так что, дочка, вернёмся к костру, — сказал Месроп, когда они прошли уже немало.

— Вернёмся, — с радостью согласилась Настя. Когда подошли к шалашу, Месроп взял узелок с едой, тёплое одеяло, что принёс Алексей для Насти, и направился к костру.

— Дедушка Месроп, а если змеи полезут в шалаш? — спросила Настя.

— А ты не учуяла странный запах у шалаша?

— Да, пахнет как в церкви.

— Чтобы отогнать ползучих, я зажигаю вокруг шалаша ладан, так что бережёт он не только от нечистой силы.

— Ия буду жечь в моём шалаше у лимана. А где купить ладан?

— Дочка, возьмёшь утром у меня в шалаше. Там на месяц хватит.

— Смотри, смотри, дедушка Месроп, звезда падает!

— Это астероид. Звёзды не падают, они гаснут. Как люди.

— А почему как люди? Расскажи про них, дедушка Месроп, пожалуйста.

Расскажу. Но ты ешь что-нибудь, вот... — И он всё положил на полотенце. — А знаешь, ваш учитель географии говорил на прошлой неделе, сидя вот здесь, что мы любимся

прошлой жизнью этих звёзд. Сотни, может тысячелетия миновали, пока дошли их лучи до земли. Многие из них погасли, а мы и не подозревали.

Оклик издалека прервал их беседу.

— Это папа, — обрадовалась Настя.

— Как вы здесь? Вижу, кукурузу пожарили, — сказал Алексей и, присев рядом с дочерью, взял жареную кукурузу, долго наслаждался её ароматом.

— Ты попробовал бы, холодная-то вкус потеряет, — сказал Месроп.

— Нет, так приятнее, детством пахнет. Где ты её добыл, дядя Месроп, на поле пока и початки-то толком не созрели?

— Из моей теплицы. Хотел, чтобы ты вспомнил былые времена.

— Спасибо, я благодарен, дядя Месроп. За это можно и выпить.

Алексей налил по стаканчику туговой водки, выпили, закусили, ещё выпили. Потом Алексей наломал в ольховнике кучу веток, сложил у костра, расстелил на них одеяло, и, когда полусонная Настя закуталась в него, отец поцеловал её в лоб, пожелал добрых снов, и вернулся к беседе с Месропом.

Настя некоторое время ещё прислушивалась к разговору с закрытыми глазами, но, постепенно голос Месропа смешался со стоном леса, шуршанием полей; она увидела горевший в далёких горах костёр, незнакомцев вокруг костра, вой волков, блеяние овец. Она спала мирным сном, и её сновиденья

продолжались, а Алексей и Месроп долго ещё беседовали.

Во дворе у Алексея, под тенью виноградного навеса за праздничным столом сидели приглашённые гости: Месроп с женой, цыганка Нора, ещё три ближайшие соседки, Настя с подругами, Алексей с матерью, и, конечно, виновница застолья, Мария, на коленях своего крёстного Шалвы, сослуживца Алексея, который специально приехал ко дню ее рождения. Анна с невесткой соседа накрывали стол, потом и они присоединились к застолью. Вскоре заваленные подарками Мария с Настей и подругами ушли в детскую комнату. Игрушки были дороги для Марии, только если ими восхищалась Настя.

Вечерело. Постепенно гости разъехались. Остались Шалва и соседка Нора, сидевшие за кухонным столом и беседовавшие с Алексеем. Мария, уставшая от дневных впечатлений, мирно спала, а Настя, присев к папе, слушала Шалву, который увлеченно рассказывал о смешном, анекдотичном происшествии с ним и Алексеем в далёких краях. Потом разговор перешёл на положение в стране, тревожную ситуацию. Пока Анна варила кофе по-восточному, и подавала гостям, Нора обещала погадать на кофейной гуще, и все напряжённо ждали этого. Вообще-то Нора давно перестала гадать, но, взглянув своими прозорливыми пепельно-чёрными глазами на Алексея, на Шалву, согласилась. Настя наклонилась к папиному уху и прошептала:

— Папа, можно и я попою кофе, чтобы тётя Нора мне по-

гадала?

— Можно. А почему шёпотом?

— Она детям не гадает. Я тайком выпью, а ты скажешь, что это твой стакан, хорошо?

— Ладно, только взболтаешь гущу и наклонишь стакан от себя, знаешь как?

— Да, знаю. Папа, завтра я тебе целый день буду помогать, — сказала Настя и, вспомнив, что завтра папа уезжает, взгрустнула.

Отец понял, и дёрнул её за косичку:

Иди, доченька, выпей кофе, мы ещё успеем поработать.

Анна старалась скрыть свою тревогу по поводу скорой разлуки, и говорила о своей работе в поселковой больнице, где её уважали, ждали, надеялись. Как договорились, Настя выпила кофе, гущу разболтала по краям чашки, развернув, поставила вверх дном на тарелочку и тайком отнесла отцу.

— Ну что, подруга, — обернулась Нора к Ирине Сергеевне, — посмотрю чашки, и попрошаемся. Постарайся на следующий год привезти сюда своего генерала, уж что-что, а таких изумительных внучек он должен увидеть. А то сидит в своей Сибири как ссыльный. — И Нора сосредоточилась на пятнах кофейной гущи. Потом с отрешенным взглядом, медленно, монотонно рассказывала, что видит. Когда очередь дошла до Алексея, Нора машинально взяла чашку, разговаривая с Шалвой, и как только её взгляд упал на гу-

щу, побледнела, уронила чашку из рук, и та разбилась. Все затихли, Настя замерла, думая, что Нора догадалась.

— Ничего, ничего... разбилась... хорошо... Анна, дочка, принеси свечку, — прошептала Нора.

Анна, испуганная, встала.

— Да это Настя баловалась, — хотел разрядить обстановку Алексей.

— Настя? Боже мой! Я же на детей не гадаю... Анна принеси три свечи. Вот шалунья... Ладно, не судит, старую цыганку. Я прочту отдельную молитву, мы с Настей уйдём в другую комнату, вы беседуйте.

Отойдя в соседнюю комнату, Нора зажгла свечи и, держа одну руку над головой обескураженной Насти, другую — над свечами, начала читать молитву на своём языке. Потом перестала, и стала проклинать себя:

— Чтоб я ослепла, не спросила, чья чашка, заглянула в лицо бездны... Может, я постарела? Может, показалось? Она же дитя...

— Бабушка Нора, а там было что-то плохое? — осмели-

лась спросить Настя.

— Пронесёт, доченька, я же не прорицательница, а простая гадалка. Всякое может померещиться.

В комнату вошла с озабоченным лицом Ирина Сергеевна.

— А мне снился плохой сон, я рассказала бабушке, — сказала Настя.

— Расскажи и мне, — попросила Нора.

— Рассказывай, внучка, — подбодрила Ирина Сергеевна.

Глубоко вздохнув, Настя начала:

— Было темно-темно — небо всё в звёздах, и ярко сверкало созвездие, похожее на венец. Мама, папа, Мария и я сидели на ветках огромного дерева. Потом они замахали руками, и как лебеди улетели к созвездию. Я звала их, хотела тоже улететь за ними, но не смогла, а ветки, как выющиеся волосы, накрыли и проглотили меня, я упала в дыру.

— Ладно, Настя, иди в кухню, а мы поговорим, — сказала Ирина Сергеевна, погладив голову внучки. И та ушла.

— Устала я, — простонала Нора.

— Подруга, ты пугаешь меня.

Ирина Сергеевна произносила слова тихо, бесстрастно.

— Сама не пойму. Увидела образ, стало страшно.

— Чей образ?

— Нельзя произносить — сбудется. В следующую субботу поставлю свечку в церкви. Ты уедешь к своему генералу.

Потом они перевели разговор на другое. Вскоре Нора попрощалась и ушла. Шалва на своей машине уехал в город к родственникам, чтобы попрощаться, а, вернувшись, забрать Алексея с матерью — прямиком в Москву, откуда Ирина Сергеевна полетит в Сибирь, а они — в служебную командировку. Прощание было грустным, со слезами. Настя кидалась то в объятия бабушки, то к отцу. Анна тайком вытирала слезы, и отойдя с мужем в сторонку, глядя в его глаза, уже в объятиях мужа, шептала в ухо: «Мы тебя будем ждать. Береги себя, пожалуйста».

После отъезда Алексея и Ирины Сергеевны дом опустел. Лишь Мария, освоившаяся с новыми игрушками, играла у

себя в детской, и постоянно зазывала отошедшую сестру.

— Настя, Настя!

Лето было в разгаре. В середине августа Анна должна была пойти в отпуск и уехать с дочерьми в Минеральные воды, чтобы укрепить здоровье Насти. Она уже билеты купила на пятнадцатое число. Настя, пока мама была на работе в больнице, помогала по дому, ухаживала за Марией, поила и кормила кур, телят, поливала огород и, если мама опаздывала, готовила ужин. Каждый день Настя рассказывала или прочитывала сказку Марии, и каждый раз заканчивала рассказом о Дюймовочке, так как Мария, слушая доносившееся с речки кваканье лягушек, настойчиво требовала именно эту сказку. И Настя вела Марию к речке, показывала соседских гусей с цыплятами, и конечно лягушек, рассказывала бесконечную сказку про Дюймовочку с разными вариациями, и конечно, со счастливым концом. Мария, завороженная услышанным, свои синие очи не отрывала от сестры, и просила новое продолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.